
Розділ VI. НАУКОВЕ ЖИТТЯ

УДК 343.15:141.2

Б.Г. Розовский**ЕСТЬ ЛИ ИСТИНА В ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЕ?**

В статье предлагается отказаться от подмены конкретной задачи вынесения судом справедливого приговора абстрактным определением его истинности. В свою очередь, достижение цели правосудия требует критического пересмотра прав и обязанностей суда при исследовании доказательств. Автором предлагается унифицировать полномочия судьи, ныне различающиеся в уголовном и других отраслях процессуального законодательства.

Ключевые слова: *правосудие, истина, судебная истина, уголовное судопроизводство.*

В юридической науке периодически вспыхивают дискуссии по определению тех или иных понятий. Они затихают, а затем без видимого повода возобновляются вновь. Явление стало типичным. В отличие от физики, химии и других, юридическая наука консервативна. Время появления чего-то нового, революционного исчисляется чуть ли не столетиями, поэтому юристы тратят силы на поиск разных вариантов объяснения уже существующего и без того понятного. Констатация проблем не завершается разработкой решений. Одно время в Украине пытались отказаться от научной степени «кандидат» и «доктор наук», заменив их на западный манер на «доктор философии». В юриспруденции это во многом соответствовало бы действительности. Следовало даже не малую часть остепенённых юристов именовать «доктор филологии»: сколько работ посвящено поиску новых и толкованию старых терминов для обозначения одного и того же понятия – не перечсть¹.

Объективная истина из этого ряда: формальная, материальная, юридическая, когерентная, процессуальная, судебная – всех не упомнишь. Противопоставляются даже научная истина и «гуманитарная». Участники дискуссии цитируют: цель достижения истины «является настолько очевидной в современном уголовном судопроизводстве, что на нее не стоит тратить слов» [1, с. 118-141; 2, с. 2-3], и тем не менее тратят не слова, а целые их потоки. В

¹ Зачастую происходит как в анекдоте: Вы мастера вызывали? – Да, у меня плита на кухне сломалась. – А вы уверены, что того мастера вызывали? – Конечно, ведь вы плиточник!

них истина – эта такая же загадочная субстанция, как мед у Вины Пуха: то она есть, то ее вдруг нет. Складывается впечатление, что процессуалисты живут химерами: сами себе придумывают объекты для нападков, чтобы хоть как-то самореализоваться. У К.И. Чуковского девочка говорит: «Это Бяка-Закаляка Кусучая, я сама из головы ее выдумала». – «А что ж ты плачешь?» – «Я ее боюсь». Знакомая картинка?

Не стал бы погружаться в это болото споров, если бы оно неожиданно не превратилось в арену политических сражений: объективную истину наделили знаменем неприемлемого советского прошлого. Да, идея объективной (материальной) истины, сформировавшаяся в советской уголовно-процессуальной науке, позволяла утверждать о полном соответствии выводов следствия и суда объективным фактам действительности [3, с. 132]. Содержанием объективной истины по уголовным делам являлись достоверно познанные факты, их правильная квалификация и правильное определение меры наказания [4, с. 139]. Но не вижу сейчас поводов для полемики – при любом марксистском обосновании в уголовном процессе существовала защита, оспаривавшая выводы обвинения, имелась практика отмены и изменения неправосудных приговоров. Не думаю, что из правосознания передовых советских ученых – процессуалистов и многих практиков были вычеркнуты взгляды на относительность истины большинства дореволюционных классиков [5, с. 15–16; 6, с. 397; 7, с. 16; 8, с. 303; 9, с. 171–179]. Можно привести десятки примеров изменения во времени понятия на противоположное, истина и объективная истина – в том числе. Сегодня делать акцент на термине, содержание которого уточнено, бесперспективно¹.

Тратить время на подтверждение очевидного не вижу смысла. Однако проблему истины увязали с ограничением инициативы суда в её установлении. В моём понимании это недопустимо – вынужден обосновать свою позицию. В РФ авторов одного из законопроектов обвинили в том, что они произвольно воспроизводят текст ст. 20 УПК РСФСР, не разграничивая суд и органы предварительного расследования по осуществляемым ими функциям. Суд предлагается сделать субъектом обязанности всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию, и установления объективной истины

¹Обидно, что за политикой ушли в тень моральные принципы, забыты каноны, определенные, например, в 1842 г. М. Молло: «Истина, которую древние олицетворяли как мать всех добродетелей, есть другая обязанность, вытекающая из честности. Она заключается не в одном том, чтобы приводить только достоверные факты, – она еще запрещает пользоваться какими-либо коварными средствами, чтобы заставить судей врасплох. Можно по совести ошибаться в значении факта, но намеренно придавать ему другое освещение, – значит лгать. Притворство и порою умолчание – та же ложь».

по уголовному делу. – Все это характеризуется как реакция [10, с. 5–13; 11; 12; 13, с. 171–179]. Полагаю, в данном контексте *истина находится вне политики. Расследование, независимо от политического, государственного и прочего строя, как минимум, должно быть объективным, полным и всесторонним.*

Ответ на фундаментальный вопрос теории познания: «Что есть истина?» упирается в проблему неустойчивости, постоянного дополнения и совершенствования наших знаний о мире. В любом учебнике можно прочесть, что в истории философии существовали разные взгляды на возможности получения достоверных знаний: эмпиризм – все знание о мире обосновывается только опытом (Ф. Бэкон); сенсуализм – только при помощи ощущений можно познавать мир (Д.Юм); рационализм – достоверное знание может быть почерпнуто только из самого разума (Р. Декарт); агностицизм – «вещь в себе» непознаваема (И. Кант); скептицизм – получать достоверные знания о мире нельзя (М. Монтень). Перечень можно продолжить.

Норберт Винер писал об ученых: «... Они неутомимо должны искать истину там, где до тех пор ее никто не видел. И если они не посветят этой задаче всех своих сил, мы вправе сказать, что они не отвечают своему назначению...» [14, с. 11]. К сожалению, юристы восприняли данный постулат как руководство к действию без должного критического осмысления. *Осмелюсь утверждать, вопреки общепризнанному, научная и уголовная процессуальная истины – это, как говорят в Одессе, две большие разницы.*

По большому счету истина в великой науке – условный термин, означающий бесконечное приближение к достоверному знанию, его умножение. Предмет науки – непознанное, неизвестное или ранее ошибочно признававшееся известным. В науке считается нормальным различные трактовки одного и того же явления, отказ от ранее принятых концепций. Знаменитый английский астрофизик Стивен Хокинг несколько десятков лет назад объяснил, как себя ведут «черные дыры», и математически это описал. Через некоторое время его теория оказалась общепризнанной. На ее основе были написаны и защищены тысячи диссертаций. Однако по происшествии приблизительно двадцати лет он отказался от своей теории и математически доказал ее несостоятельность. Как результат – ему пришлось выслушивать упреки в том, что он губит науку и т.п. На самом деле все как раз наоборот: он развивал науку как истину. Без потерь это, наверное, вообще невозможно [15, с. 5–33]. Найти что-либо безусловно истинное – в этом единодушны философы – можно только в искусственно замкнутой структуре (например, в математике или логике, где даже ложная посылка иногда допускает истинный вывод), но не в распахнутом настезь перед нами мире.

Профессор славистики Пенсильванского университета Кевин Платт в беседе на страницах журнала «Гэфтер» с доктором филологических наук, ведущим научным сотрудником ИВГИ РГУ С. Зенкиным привёл простой пример: если вы русским студентам сегодня попытаетесь излагать какую-нибудь сложную научную проблему, объяснять, что о ней есть разные мнения, предлагаются разные варианты решения, то непременно получите вопрос: а какой из них правильный? Студент плохо понимает, что могут быть различные подходы к одной истине, хотя, казалось бы, у всех есть представление о свободе и множественности мнений. У процессуалистов в части понимания истины та же болезнь.

В уголовном судопроизводстве говорить об истине, как о не познанном, допускающим разные трактовки, надо с большой оговоркой. Предметом исследования (расследования) являются скрываемые, но с позиций теории познания обыденные, пусть чрезвычайные, факты и обстоятельства, в криминалистике – по приёмам и методам в большинстве стандартные для раскрытия. Сами эти факты, как правило, никакой тайны не составляют; о совершении подавляющей части преступления поступают заявления потерпевших. «Непознанное» – кто совершил преступление. *Специфика уголовного процессуального познания заключается в том, что оно осуществляется методом доказывания факта преступления и вины лица, его совершившего, в порядке, регламентированном законом. Относительность достигнутых знаний по общему правилу на практике не рассматривается, вынесенный в установленном законом порядке приговор подлежит исполнению.*

Ещё один аспект. По моей просьбе российский процессуалист, автор новой доктрины доказывания А.С. Александров оказал любезность, разъяснив некоторые употребляемые им понятия при установлении судебной истины. В частности, он написал: «Текст я понимаю как знаковую систему. Для постмодерниста означающее, знак, текст более реальны, чем сырая – «объективная реальность». Нет реальности кроме текста и его смысла. По крайней мере во время коммуникации, каковой является процесс, доказывание. В суде, во время прений нет ничего кроме материалов дела, речей – текстов – на которых строятся другие тексты. О настоящей, подразумеваемой в речах и текстах реальности, мы можем предполагать. Судебное доказывание, как и познание вообще – не отражение реальности, а реконструкция ее. Критерий правильности – судебной истины – в согласованности высказываний, смыслов, суждений, но также и в положительных эмоциях, одобрении, которое происходит на подсознательном уровне».

Утверждение более чем спорное. Да, в Евангелии от Филиппа (Апокриф) сказано: «Истина не пришла в мир обнаженной, она пришла в символах и образах». Однако считается, что религия отвечает на вопрос

«как быть?», философия – на вопрос «что делать?», а наука, в отличие от них, – «как делать?». Юридическая наука, в перечне других задач, должна ответить на конкретный вопрос: «как раскрыть преступление и доказать вину преступника?», установив тем самым судебную истину. Здесь без существенной конкретизации общеправового подхода, в том числе без уточнения понятия «текст», не обойтись. В криминалистике и уголовном процессе текст, смысл неотделимы от той самой «сырой объективной реальности», которую столь унижительно не приемлет автор. Известный переводчик В.С. Муравьев откровенно пишет: «Перевод должен быть не правильным, а адекватным. Я без всяких колебаний заменяю «стол» на «стул», если того потребует адекватность. Я ведь сообщаю не о том, что написано в тексте, а пытаюсь воспроизвести сам текст» [16, с. 464]. Ещё один вариант – гештальт. Ученые выяснили, что когда мы смотрим на картину или статую, главную роль играет некое целостное восприятие объекта, несводимое к свойствам суммы составляющих ее элементов. Образно говоря, когда мы смотрим на картину Ренуара или другого импрессиониста, мы не замечаем и не оцениваем каждый мазок, а видим единое целое и именно это общее сочетание цветов и форм нас впечатляет. Такое целостное восприятие распространяется и на понятие текста. В доказывании же имеет значение не только текст в любом варианте его трактовки, не только каждое произнесенное слово, но и личность оратора, его заинтересованность в результатах рассмотрения дела, психофизиологические способности восприятия, оценки и воспроизведения информации, наконец, невербальное поведение.

Да, в *процессе мышления* человек оперирует представлениями, образами объективной действительности. Наглядно я пытался это показать в заставке в начале статьи. Однако, сидя за обеденным столом, человек не понесёт ложку к уху, не будет прыгать без парашюта с окна одиннадцатого этажа своего дома, не имея убедительных намерений. В криминалистике учёт этой специфики важен при разработке тактики допроса для оценки возможной объективной ошибки восприятия действительности потерпевшим, свидетелем, обвиняемым, но *ошибки как исключение, а не правило*. Сторонники же новой теории доказывания в уголовном процессе пытаются представить противоположное, отсюда неизбежное: теория ради теории¹.

¹Моя голубая, к сожалению, стопроцентно несбыточная мечта – увидеть ареопаг ведущих теоретиков юридической науки (включая, естественно, науку уголовного процесса) как клуб единомышленников, являющихся последователями основателя современного Сингапура, недано успешного из жизни Ли Куан Ю. По оценке аналитиков, он выбивался из всякого стандарта, олицетворяя путь здравого смысла и брезгливо относясь к любым идеологиям – будь то догматический социализм, нормативный либерализм или нарочитая религиозность. Однажды он назвал Сингапур государством, свободным от

Надо честно признать, в доказывании, сколько бы не философствовали, мы, в основном, пользуемся общежитейскими представлениями о мире, в котором живём. Потерпевший, свидетель, обвиняемый рассказывают о своих поступках, о том, что видели или слышали. Чисто житейски мы понимаем, что в силу разных причин они могут ошибаться, быть заинтересованы в искажении фактической информации, и принимаем меры к её очистке от помех. По возможности используем имеющиеся научные рекомендации. Однако *стопроцентной гарантии уверенности в том, что приговор суда адекватно отражает содеянное подсудимым сегодня нет, и в принципе, опять таки сегодня, быть не может.* (О будущем судить не берусь.)

В подтверждение приведу показательные примеры. О несовершенстве человека как свидетеля в восприятии, запоминании и воспроизведении информации давно написаны многочисленные труды [17, с. 13; 18, с. 68]. В США за ограбление бензозаправочной станции был казнен человек, которого опознал десяток свидетелей. Но спустя годы, будучи смертельно больным, в преступлении сознался другой человек, по внешним данным – абсолютная копия безвинно казненного. По фотографии его безоговорочно опознали как бывшего члена своей семьи все родственники казненного. В Бразилии, в муниципалитете Алагоиньяс на собственные похороны явился отсутствовавший четыре месяца Жилберту Араджу. Труп опознала мать и другие родственники. Фактически умершим оказался другой бразилец Жинивалду Силва Гама. В США после разработки методики анализа ДНК всем отбывающим наказание, избежавшим казни, предоставили право ходатайствовать о проверке обоснованности вынесенного приговора, если одним из доказательств их вины были следы крови, совпадающие по группе с кровью жертвы. В результате более 120 приговоров было отменено. В Украине такую инициативу не проявили¹.

Понятие доказательства многочисленными исследователями зафилософовано до полной потери смысла. Но устанавливается истина с помощью доказательств – иного пути просто нет. Если спуститься с заоблачных высот на грешную землю, мы никуда не уйдем от обычной житейской мудрости, которая испокон веков считает доказательством все то, что подтверждает или опровергает обсуждаемый аргумент. Если говорить об информационной сущности судебных доказательств, то боль-

идеологии. Не сомневаюсь, была бы безуспешной попытка навязать ему и идеологию постмодернизма, если бы кто-то рискнул это сделать.

¹ Нет гарантий, что методика экспертного исследования в дальнейшем не будет признана ошибочной. Для этого мы и говорим *не* о доказательстве, а о системе доказательств. Чтобы отдельное суждение было признано оценочным, субъективным, его требуется сравнить с другим равнозначным.

шинство из них, прежде чем стать таковыми, прошло длительный и трудный путь испытаний практикой. Уместно вспомнить, даже такие идеальные субстанции как математические аксиомы, которые фигурируют в некоторых областях чистой математики, например, в теории чисел или теории групп, не берутся из ниоткуда. Они обычно формулируются в результате попыток формализации и компактного представления результатов многолетних, иногда многовековых, исследований в виде так называемых аксиоматических систем. Требуется сделать только принципиально важную оговорку: доказательства являются таковыми в пределах существующего уровня научных знаний о явлениях и событиях, выдвигаемых в качестве аргумента, и, что не менее важно, определяются уровнем научных знаний субъектов правоприменительной деятельности и участников дискуссии.

В рамках существующей дискуссии допускаю наименование истины, устанавливаемой следователем и судом, как объективной, то есть объективно отражающей оценку собранных доказательств вины или невиновности подозреваемого и подсудимого. Однако нельзя отождествлять, нельзя считать объективную истину абсолютной, из-за чего фактически и тянется бесплодная дискуссия о судебной истине. Наши знания об окружающем мире, о человеке относительны. Когда-то считалось, что Солнце вращается вокруг Земли и прошло немало времени, пока не установили обратное. Свои заблуждения в оценке доказательств имелись в науке и практике расследования преступлений. Поэтому судебная истина должна определяться как истина относительная, рассчитана с долей вероятности.

Элементарно, пока есть суд, есть спор людей – истина субъективна. Она есть своего рода опыт сущего, каков он есть. Но, в отличие от Средневековья, современное правосудие все больше опирается на научные, экспертные методы познания. Сколько бы ни говорили об уголовном процессе как игре, искусстве, соревновании кто кого обманет, именно достижения криминалистики и ОРД приближают его к науке. *Самое неприглядное – практически все авторы, делающие акцент на фактической относительности судебной истины, не предлагают меры по устранению возможных судебных ошибок, коль таковые – об этом надо прямо говорить – неизбежны.*

В России пытаются догнать в регулировании уголовного процесса Украину и Грузию. Потуги представляют критический интерес. Так, разработана «Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ» [19]. Авторы, подразумевая под доказанностью обвинения достижение истины, формулируют ее следующим образом: «Истина судебная (процессуальная)» – наивысшая степень вероятности знания об обстоятельствах исследуемого события, доступная в данном

уголовном деле, и достаточная для справедливого разрешения уголовно-правового спора, принятия окончательного процессуального решения». При самой непредвзятой оценке нельзя не видеть очевидную противоречивость составляющих определение. Элементарно, обвинение считается обоснованным, когда собрано достаточное количество доказательств, его подтверждающих. Доступность знания об обстоятельствах исследуемого события не может служить критерием установления – в терминологии авторов – истины. По любой причине, *когда недостаточно знаний об обстоятельствах совершенного преступления и личности преступника в силу их недоступности, в принципе нельзя говорить о доказанности обвинения*. Это аксиома. Если уж придерживаться замысла авторов модели, наиболее адекватно следует говорить о соответствии используемой следователем и судом информации *существующим представлениям* о её содержании и предназначении.

Расплывчат критерий «наивысшая степень вероятности знания об обстоятельствах исследуемого события». Как бы его не истолковывали авторы, на практике в случае совершения, например, преступления на сцене театра в присутствии 400 зрителей по предложенной формуле для получения максимальной *доступных* знаний их всех требуется допросить. Простите тавтологию, в данном контексте критерий «достаточность для справедливого решения» вполне достаточен для определения понятия.

Полагаю, бесполезные дискуссии об истине в уголовном судопроизводстве прекратятся, если, оставив их философам, сосредоточить усилия на решении конкретной задачи: обеспечить вынесение справедливого приговора. Для этого существует соответствующая теория доказательств, определяющая требования к ним. Над её совершенствованием и требуется работать.

Наиболее распространенное ограничение доказанности обвинения – субъективности оценок события свидетелями, потерпевшим и обвиняемым. Однако имеется самостоятельный фактор: достигнутый уровень научных знаний о явлениях и фактах, существующих вне совершенного преступления, которые используются при формировании доказательств. Это информация, признаваемая как естественнонаучные, технические и технологические законы и закономерности. К ней относится ничтожная вероятность принадлежности одинаковых папиллярных узоров двум и более лицам, идентичность предметов по химическому составу и физическим характеристикам, признаки смерти и многое другое, на чём обычно базируются заключения экспертов, которые судом по общему правилу не оспариваются. Данный вид информации в определении если и подразумевается, то не обособлен. Между тем, объективность (если уж пользоваться данным термином) такого рода информации относительна. Физики опровергли несколько ранее общепризнанных законов.

Считалось основанным на научных закономерностях единство биологических признаков крови, спермы и иных выделений человека, признаков выстрела с близкого расстояния. Но потом выяснилось, что сотни и тысячи людей были безвинно осуждены, ибо эти и подобные «законы» и «закономерности» оказались ошибочными.

Поэтому, давая теоретическое определение понятия обоснованности обвинения, непременно необходимо сделать практическую оговорку: уровень знания объективного мира исторически обусловлен. *При установлении ошибочности информации, воспринимавшейся в качестве закона или закономерности, общепринятого житейского опыта, все вынесенные приговоры, по которым она была положена в основу доказательств вины осужденного, подлежат пересмотру, независимо от наличия или отсутствия об этом его ходатайства.*

С понятием объективной истины сегодня тесно связано решение вопроса о праве, точнее – обязанности судьи принимать меры к её выяснению [20, с. 44–52; 21, с. 42–52; 22, с. 89–95; 23, с. 88–95; 24, с. 274–280; 25, с. 118–124; 26, с. 361–363]. Реакция многих на постановку вопроса ожидаема: она вылилась в осуждаемую формулу судья – «следователь». Исходная посылка трафаретна: подсудимый неприкасаем, с него нельзя снимать даже пушинки. Да, действительно, отождествление функций следователя и судьи недопустимо. Но еще более недопустимо сознательное уклонение судьи от обеспечения справедливого, законного и обоснованного разрешения дела по существу, без устранения сомнений в виновности обвиняемого. Более того, реализация подобных псевдонаучных концепций априори криминализирует сам процессуальный статус судьи. Юристы не могут закрывать глаза на очевидный факт: сознательное, еще раз подчеркиваю, *сознательное уклонение судьи от устранения сомнений виновности обвиняемого элементарно квалифицируется как уголовно наказуемое деяние – укрывательство преступника.* К тому же на практике порой трудно отделить сомнения в виновности от сомнений в невиновности обвиняемого, со всеми вытекающими последствиями.

Честно признаюсь, не пойму, почему столь долго на абсолютно ровном месте существует данная проблема. Судья, действительно, не наделен функцией следователя. Но никто не осмелится утверждать, что в суде не осуществляется публичное расследование преступления в специфической форме исследования доказательств. Ныне действующий УПК Украины в ст. 252 ч. 13 регламентирует: «Свидетель может быть допрошен повторно в том же или следующем судебном заседании по его ходатайству, по ходатайству стороны уголовного производства *или по инициативе суда*, в частности, если во время судебного разбирательства выяснилось, что свидетель может предоставить показания относительно обстоятельств, по которым он не допрашивался.

При исследовании других доказательств свидетелям могут задавать вопросы участники судебного разбирательства, эксперт, а также суд».

Инициатива суда в этой части не ограничена. Не менее перспективно стимулирование судом инициативы прокурора и защитника. К ним может апеллировать судья по поводу возникших у него сомнений в непротиворечивости доказательств. Никто не лишает его права просить защитника прокомментировать оставленный им без внимания факт, изобличающий преступника, или задать прокурору вопрос, почему не исследованы определенные факты и обстоятельства, необходимые для решения вопроса о виновности обвиняемого, стимулируя тем самым к заявлению соответствующих ходатайств? *Судья не собирает доказательства, что зачастую просто трудно сделать. Он обеспечивает выполнение сторонами полноты и объективности выполнения их процессуальных функций. Всё становится на свои места, проблема исчезает.* Понимаю, при соблюдении существующей в теории уголовного процесса косности, найдут новые варианты проблемы, но, при предлагаемом подходе, они найдут решение.

Юристы в своём большинстве являются специалистами одной отрасли права. В уголовном процессе мы без конца дискутируем о праве судьи на инициативу, не заглядывая в соседний огород. Напрасно. Например, ст. 43 Хозяйственно-процессуального кодекса Украины наделяет суд самостоятельностью в оценке доказательств: «Признание одной стороной фактических данных и обстоятельств, которыми другая сторона обосновывает свои требования или возражения, для хозяйственного суда не является обязательным». А Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» прямо регламентируется: «Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (статья 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статья 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации)».

Может будем добиваться единства правового регулирования, заимствуя лучшее, что разработано в каждой отрасли? Может сделаем объективную истину истиной?

Использованные источники:

1. Колоколов Н. А. Момент истины / Н. А. Колоколов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4. – С. 118-141.
2. Колоколов Н. А. Процесс не затухает... / Н. А. Колоколов // Уголов-

ное судопроизводство. – 2012. – № 2. – С. 2–3.

3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Т. 1. – М. : Наука, 1968. – 470 с.

4. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н. В. Жогин. – [изд., 2-е исправленное и дополненное]. – М. : Юридическая литература, 1973. – 736 с.

5. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством / В. Д. Спасович. – СПб. : Типограф. Правител. Сената, 1861. – 432 с.

6. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса / В. К. Случевский. – СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 684 с.

7. Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда / И. В. Михайловский. – Томск : типолитография П. И. Макушина, 1905. – 342 с.

8. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. – СПб. : Изд. юрид. книж. склада «Право», 1914. – 547 с.

9. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Альфа, 1996. – Т. 2. – 606 с.

10. Бастрыкин А. И. Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики в сфере экономической деятельности / А. И. Бастрыкин // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 3. – С. 5–13.

11. Александров А. С. Семь смертных грехов современной криминалистики [Электронный ресурс] / А. С. Александров // Веб-сайт Международной Ассоциации Содействия Правосудию. – Режим доступа : <http://www.iaaj.net/node/342>.

12. Александров А. С. «Ответ Керзона» современным криминалистам [Электронный ресурс] / А. С. Александров // Веб-сайт Международной Ассоциации Содействия Правосудию. – Режим доступа : <http://www.iaaj.net/node/800>.

13. Резник Г. М. Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия / Г. М. Резник // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4. – С. 238–243.

14. Винер Н. Высокая миссия / Норберт Винер // Америка. – 1960. – № 51. – С. 11.

15. Голик Ю. В. Истина в уголовном праве: постановка проблемы / Ю. В. Голик // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 6 (11). – С. 5–33.

16. Вылазка в действительность. Антология англоязычной прозы в переводе Владимира Муравьева. – М. : Центр книги Рудомино, 2012. – 480 с.

17. Гаврилова Н. И. Ошибка в свидетельских показаниях (Происхождение, выявление, устранение) : [методическое пособие] / Н. И. Гаврилова; Все-союзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. – М. : ВНИИПП, 1983. – 136 с.

18. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Э. Грусель ; [пер. с нем. Д. В. Скляднева]. – СПб. : Наука ; Ювента. 1998 – 316 с.

19. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации [Электронный ресурс] / [А. С. Александров,

Н. Н. Ковтуц, С. А. Грачев и др.] // Веб-сайт Международной Ассоциации Содействия Правосудию. – Режим доступа : <http://www.iauj.net/node/1766>.

20. Шумило М. Є. Імовірність і вірогідність знання у кримінальному провадженні як передумова потреби об'єктивізації результатів доказування / Є. М. Шумило // Право України. – 2014. – № 10. – С. 44–52.

21. Погорецький М. А. Поняття, зміст та структура кримінального процесу : проблеми теорії та практики / М. А. Погорецький // Право України. – 2013. – № 11. – С. 42–52.

22. Тимченко Г. Принцип об'єктивної (судової) істини: еволюція доктрини та законодавства / Г. Тимченко // Юридична Україна. – 2010. – № 5. – С. 89–95.

23. Бандура О. Істина як загальнолюдська та правова цінність / О. Бандура // Право України. – 2010. – №2. – С. 88–95.

24. Пастернак Ю. Б. Проблема істини в сучасному кримінальному процесі / Ю. Б. Пастернак // Вісник Львівського університету: серія юридична. – 2009. – Вип. 49. – С. 274–280.

25. Лук'янчиков Б. Є. Доказування як засіб встановлення об'єктивної істини / Б. Є. Лук'янчиков // Науковий вісник Київського Національного університету. – 2006. – №6. – С. 118–124.

26. Нор В. Т. Роль суду у встановленні істини у кримінальній справі за чинним КПК України / В. Нор // Проблеми державотворення і захист прав людини в Україні: матеріали XVII регіональної науково-практ. конф. 3–4 лют. 2011 р. – Л.: Юрид. ф-т ЛНУ ім. Івана Франка, 2011. – С. 361–363.

Розовський Б.Г. Чи є істина в об'єктивній істині?

У статті пропонується відмовитися від підміни конкретного завдання винесення судом справедливого вироку абстрактним визначенням його істинності. У свою чергу, досягнення мети правосуддя вимагає критичного перегляду прав і обов'язків суду при дослідженні доказів. Автор пропонує уніфікувати повноваження судді, що нині розрізняються в кримінальному та інших галузях процесуального законодавства.

Ключові слова: *правосуддя, істина, судова істина, кримінальне судочинство.*

Rozovsky B.G. Is there any truth in the objective truth?

About ten years ago I published a book "Unscientific notes about some of the scientific problems of the criminal process." Today, I would have given it a different name. Science - is not only a discussion, but the discovery of something new, previously unknown, in any case, non-obvious. Can we so characterize the modern theory of the criminal proceedings? In the vast majority - it stretches decades, and in some cases permanent and more controversy for controversy representatives of various schools of thought, who lost for a long time due to the uncertainty have repeatedly conducted extensive research discussed information. Science is often presented only in the names of the publications in the rest of it has evaporated. A typical example is the concept of judicial truth.

In the philosophy of the process of knowledge since ancient times it has been fraught with searching the truth. Relevant theories and concepts, there are many. Their accumulation continues, sometimes paradoxical postulates are, for example, postmodern truth – it's a lie. The problem of finding the truth in justice is equally throughout history. Often, however, it reduces the mechanical borrowing and transfer of high philosophical concepts in everyday legal practice, which leads to negative results. The situation is complicated by attempts to politicize the debate. Ignored difference: the search for truth in science is a search for the unknown injury. The criminal proceeding is a known fact usually. There is a statement of the victim, other sources of information. Regulated by law is carried out by the rules of the criminal search, collection and analysis of evidence of his guilt. To eliminate the existing confusion in the article proposes to abandon the substitution specific task the court's just verdict abstract definition of its truth.

In turn, achieving the goal of justice requires a critical review of the rights and duties of the court in the examination of evidence. The author proposes to unify the powers of the judge, now differ in criminal and other branches of procedural law.

Key words: *justice, truth, judicial truth, criminal proceeding.*